

Коллектив авторов

Фрагменты ранних греческих философов

**Часть I. От эпических теокосмогоний до
возникновения атомистики**

УДК 101
ББК 87
К60

К60 **Коллектив авторов**
Фрагменты ранних греческих философов: Часть I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Коллектив авторов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 578 с.

ISBN 978-5-458-31231-8

Книга содержит перевод всех сохранившихся фрагментов доплатоновских философов от орфиков до атомистов, а также биографических и доксографических свидетельств о них. В основу положены собрание Дильса-Кранца и новейшие отдельные издания, дополненные переводчиком.

ISBN 978-5-458-31231-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РАННЯЯ ГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Издание на русском языке материалов о ранних греческих философах вряд ли требует подробного обоснования. Ведь основная трудность, встающая перед исследователями древнегреческой философии раннего периода, состоит прежде всего в том, что ни одно из сочинений мыслителей этой эпохи до нас не дошло в сколько-нибудь полном виде. В одних случаях эти сочинения оказались полностью (или почти полностью) утраченными, в других мы располагаем более или менее значительным числом фрагментов, приводимых в качестве цитат в сочинениях писателей поздней античности. Порой эти фрагменты оказываются достаточно содержательными, чтобы мы смогли реконструировать основные идеи данного мыслителя, но в других случаях они имеют случайный характер и похожи на обломки мозаики, из которых трудно, если вообще возможно, составить общую картину. Правда, наряду с фрагментами, которые с большой степенью вероятности могут считаться подлинными, буквально о каждом из мыслителей досократовской эпохи имеется большое число косвенных свидетельств. Эти свидетельства далеко не равнозначны по своей ценности. Одно дело, когда о том или ином философе высказывается Аристотель, хорошо знавший труды своих предшественников и всегда стремившийся выразить саму суть рассматриваемого им учения, и совсем другое дело, когда эти косвенные свидетельства содержатся в компиляциях, относящихся к поздней античности, авторы которых черпали свои сведения из вторых или третьих рук и порой интересовались не столько доктриной данного мыслителя, сколько анекдотическими деталями, относившимися к его личности или его биографии. Ярким примером подобных компиляций может служить дошедший до нас сборник Диогена Лаэртия.

Общее число косвенных свидетельств о философах-досократиках громадно. Естественно, что исследователю, который занимается изучением жизни и творчества досократовских мыслителей, — в особенности если этот исследователь не обладает специальной филологической подготовкой — было бы крайне трудно разыскивать самому в одиночку как фрагменты оригинальных сочинений, так и косвенные свидетельства, рассеянные по безбрежному морю позднеантичной литературы. Поэтому уже с начала прошлого столетия перед филологами-классиками во весь рост встала задача собрать воедино все эти фрагменты и свидетельства или по крайней мере наиболее важные из них. Первоначально эта задача решалась для отдельных мыслителей: Гераклита, Эмпедокла, Анаксагора и др.; первую же попытку дать свод фрагментов всех древних философов предпринял в XIX столетии Ф. В. А. Муллах¹. Но все эти попытки померкли, когда в 1903 г. вышло в свет первое издание «Фрагментов досократиков» великого немецкого филолога Германа Дильса². С тех пор «Фрагменты досократиков»

¹ *Mullach F. W. A. Fragmenta philosophorum graecorum. Parisiis, 1860—1881. 3 Vol.*

² *Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch. B., 1903.*

стали настольной книгой и необходимым справочным пособием для всех философов, филологов и историков античной культуры, которым приходится сталкиваться с равными греческими философами.

Труд Дильса завоевал огромную популярность, об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в среднем каждые пять-шесть лет он выходит новым изданием, обогащаясь вновь обнаруженными материалами и комментариями к ним. Начиная с 5-го издания, вышедшего в 1934—1937 гг., когда Дильса уже не было в живых, редактирование «Фрагментов» взял на себя его ученик, выдающийся немецкий филолог Вальтер Кранц. С тех пор при ссылках на этот труд обычно пользуются сокращенным обозначением *DK*. «Фрагменты досократиков» приобрели стандартный вид трехтомника, причем в первых двух томах приводятся фрагменты и свидетельства, а третий том занимают указатели. При этом согласно порядку, установленному Дильсом еще в первом издании, глава, посвященная каждому философу, делится на два раздела — *A* и *B*. В разделе *A* приводится вся доксография, относящаяся к жизни, трудам и учению данного философа, причем она дается только на языке оригинала. Под рубрикой *B* идут подлинные фрагменты, дошедшие до нашего времени, причем они сопровождаются переводом на немецкий язык. Иногда к этим двум разделам добавляется раздел *C*, содержащий подражания или тексты, ложно приписываемые данному философу.

Из сказанного ясно, что «Фрагменты досократиков» рассчитаны на читателей, имеющих классическое образование. Для того чтобы сделать материалы, содержащиеся в труде Дильса, доступными более широкому кругу русских читателей, А. О. Маковельский предпринял в свое время перевод «Фрагментов досократиков» на русский язык. Этот перевод был выполнен с 3-го издания «Фрагментов» и издан в Казани в трех частях в 1914—1919 гг. под заглавием «Досократики»³. В это издание не вошел ряд материалов, содержавшихся в труде Дильса, в том числе раздел, посвященный атомистике (материалы об атомистике были опубликованы Маковельским позднее в книге «Древнегреческие атомисты»⁴); кроме того, в русском издании были опущены комментарии и весь справочный аппарат. Для русских читателей, не знающих древних языков, «Досократики» Маковельского в течение нескольких десятилетий служили своего рода эрзацем Дильса. И действительно, по своему материалу это был тот же Дильс, только устаревший, во многом искаженный при переводе, изобиловавший ошибками и все же большинством наших читателей принимавшийся за последнее слово в области изучения древнегреческой философии. Популярности «Досократиков» Маковельского способствовало еще и то обстоятельство, что каждому сколько-нибудь значительному философу в русском издании предшествовала статья, содержащая краткое изложение соответствующего учения вместе с обзором его важнейших интерпретаций. В наше время эти статьи представляются безнадежно устаревшими.

«Досократики» Маковельского давно уже стали библиографической редкостью. Учитывая все возрастающий интерес широких кругов советских читателей к античной философии и античной культуре вообще, уже давно назрел вопрос о необходимости издания нового русского перевода «Фрагментов досократиков». Простое переиздание «Досократиков» Маковельского было бы явно нецелесообразно в силу перечисленных выше недостатков этого издания. Нужен был новый, современный перевод, не только нахо-

³ Маковельский А. О. Досократики. Казань, 1914. Ч. I; 1915. Ч. II; 1919. Ч. III.

⁴ Маковельский А. О. Древнегреческие атомисты. Баку, 1940.

дящийся на уровне последних изданий сборника Дильса—Кранца, но и обогащенный за счет включения в него материалов, которые немецкими учеными были по тем или иным причинам оставлены без внимания. И здесь уместно указать на некоторые недостатки «Фрагментов досократиков» Дильса—Кранца, которые, несмотря на неоспоримые достоинства этого труда, в нем, несомненно, имеются.

Дело в том, что подбор материалов, осуществленный Дильсом уже в первом издании «Фрагментов досократиков», был продиктован общей методологической установкой немецкого ученого. В том, что касается философии досократиков, непререкаемым авторитетом для Дильса был ученик Аристотеля Феофраст. По убеждению Дильса, обоснованному им в его более ранней работе «Греческие доксографы»⁵, первоисточником, откуда — через ряд промежуточных звеньев — черпали свои сведения авторы позднеантичной доксографической литературы, в том числе дошедших до нас компендиумов Стобея и Псевдо-Плутарха, были в конечном счете «Мнения физиков» Феофраста. Так как это сочинение до нас не дошло, то своей главной задачей при построении разделов *A* в «Фрагментах досократиков» Дильс считал такую подборку и расположение материалов, относящихся к тому или иному философу, которые в наибольшей степени отражали бы изложение Феофраста в его «Мнениях физиков». Естественно, что при такой установке Дильса целый ряд свидетельств, далеко не всегда маловажных, но не укладывавшихся в феофрастовскую схему, оказался за пределами сборника.

Критические замечания в адрес «Фрагментов досократиков» были сделаны сразу же после выхода в свет первого его издания. В предисловии ко второму изданию (1906) Дильс в следующих выражениях ответил на эту критику: «Произведенный отбор стоил мне больше времени и усилий, чем если бы собранный мною материал был целиком направлен в типографию. Я, однако, полагаю, что именно таким путем, ограничиваясь наиболее существенным и древним, я смог оказать услугу начинающим исследователям, да и не только им. Мое намерение состояло в том, чтобы свезти в амбар лишь полноценные колосья, солому же оставить снаружи, даже если это грозило опасностью потерять то там, то здесь хорошие зерна»⁶.

Настоящее издание представляет собой совершенно новый перевод на русский язык «Фрагментов досократиков» Дильса—Кранца, существенно дополненных за счет включения в это собрание большого числа новых материалов, либо игнорировавшихся немецкими составителями, либо остававшихся ранее неизвестными или незамеченными. Вкратце скажем о том, в чем давнее собрание совпадает с «Фрагментами досократиков» Дильса—Кранца и в чем оно от них отличается.

Учитывая огромную популярность труда Дильса—Кранца и то широкое распространение, которое «Фрагменты досократиков» получили во всех странах мира, было признано целесообразным сохранить основную структуру «Фрагментов» и в новом русском издании. Как нумерация и порядок следования глав, принятые Дильсом, так и разделение материала на рубрики *A* и *B* оставлены в данном издании неизменными. Также в основном сохранено расположение фрагментов и свидетельств в отдельных главах: это сделано не только для того, чтобы приблизиться к гипотетической структуре «Мнений физиков» Феофраста, а из чисто практических соображений, дабы все ссылки на Дильса—Кранца, где бы они ни давались, сохраняли свою силу и для данного издания. Исключение составляет лишь расположение фрагментов Гераклита, которое

⁵ *Diels H. Doxographi graeci. B., 1879.*

⁶ *Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker. B., 1906. P. X.*

было произведено Дильсом чисто формально (по источникам) и не имеет у него никакого отношения к их возможному положению в книге самого Гераклита. В настоящее время в мировой литературе все большее признание завоевывает новый, логический порядок фрагментов Гераклита, предложенный М. Марковичем⁷, этот порядок принят и в настоящем издании, причем для удобства читателей номер фрагмента «по Марковичу» сопровождается (в скобках) номером фрагмента «по Дильсу».

Аналогичное изменение произведено и в разделе, посвященном Эмпедоклу, где нумерация фрагментов дана не по Дильсу, а по недавней капитальной работе об Эмпедокле французского исследователя Ж. Боллака (ссылка на эту работу будет дана ниже).

Новые свидетельства, отсутствующие в собрании Дильса—Кранца, даются под теми же номерами, под которыми во «Фрагментах досократиков» представлены свидетельства, близкие по смыслу; заметим, что точно таким же образом поступали Дильс, а затем Кранц, когда в очередное издание своего труда они включали тексты, которых не было в предшествующих изданиях.

После этих предварительных замечаний перейдем к краткой характеристике текстов, включенных в состав данного сборника. Его вступительный раздел, озаглавленный «Предфилософская традиция», содержит материалы, которые в первых изданиях «Фрагментов досократиков» Дильса помещались в конце второго тома в качестве приложения ко всему изданию. В дальнейшем, когда редактирование «Фрагментов» перешло в руки Кранца, это приложение было перенесено в начало первого тома. Замечу, что у Маковельского в его «Досократиках» эти материалы полностью отсутствовали. Действительно, незначительные отрывки, приписывавшиеся Орфею, Мусею, Эпимениду, Ферекиду и другим мифотворцам архаической эпохи, а также дошедшие до нас полуполюгедарные (или полностью легендарные) рассказы об этих авторах не имеют на первый взгляд никакого научного значения. Однако при рассмотрении вопроса о генезисе философского и в какой-то степени научного мышления их нельзя не учитывать.

Первоисточником греческой (а также, по-видимому, индийской, китайской и всякой другой) философии была мифология. И притом не мифология вообще, а главным образом космогонические мифы, создававшиеся на определенной стадии культурного развития всеми народами мира, в том числе и греками. В мифах, повествующих о происхождении богов, их борьбе между собой, чередовании различных поколений богов, отражались первобытные представления людей о возникновении и эволюции мира. В эпоху развития политеистических религий космогония, как правило, выступает в форме теогонии. Именно такого рода теогония с добавлением ряда спекулятивных построений самого автора была изложена в одноименной поэме Гесиода.

«Теогония» Гесиода оказала громадное влияние на дальнейшую эволюцию греческих космогонических представлений. При этом наметились две основные тенденции. Одна из них выразилась в развитии индивидуального мифотворчества. Среди перечисленных выше авторов, занимавшихся подобным мифотворчеством, особенно интересен Ферекид Сирросский, теогоническая концепция которого испытала, помимо Гесиода, заметное влияние иранской мифологии⁸. В той степени, в какой мы можем судить об орфической космогонии, она также впитала в себя некоторые восточные мотивы (на-

⁷ *Marcovich M. Heraclito, frammenti. Firenze, 1978. (Biblioteca di studi superiori; LXIV).*

⁸ См.: *West M. L. Early Greek Philosophy and the Orient. Oxford, 1971. Ch. 1. P. 1—75.*

пример, образ мирового яйца). В целом же это направление оказалось тупиковым. Аристотель называет его представителей «теологами», противопоставляя их «физикам» — творцам ранней греческой науки о «природе» (περί φύσεως). Симпатии Аристотеля лежали целиком на стороне «физиков».

Ранние построения «физиков» также находились под большим влиянием как греческих, так и восточных мифов о происхождении мира. Но в отличие от «теологов» для них были характерны решительный отказ от мифологических (антропо- и зооморфных) образов и переход к чисто рациональным мотивировкам. Однако, преодолев антропо- и зооморфизм древних космогонических мифов, первые греческие философы заимствовали от них ряд структурных особенностей, определивших некоторые важные черты ранней греческой науки:

1. Представление о первичном, бесформенном состоянии Вселенной (в космогонических мифах это состояние чаще всего конкретизируется в виде безграничной водной бездны).

2. Мотив отделения — часто насильственного — неба от земли, которые в космогонических мифах обычно олицетворяют мужское и женское начала мироздания (классическим примером этого мотива может служить поливезийский космогонический миф о Рангу и Папа).

3. Идея эволюции в сторону большей упорядоченности и лучшего устройства мира, завершающейся воцарением светлого бога, разумного и справедливого (в индоевропейской мифологии это обычно бог ветра, бури и грозы — Индра, Перун, Ветан, Зевс).

4. В некоторых мифологиях наличествует также мотив периодической гибели и нового рождения Вселенной.

Эти мотивы, разумеется в демифологизированной форме, можно обнаружить почти во всех космологических построениях греческих философов-досократиков.

Первой философской школой Древней Греции считается милетская школа, названная так потому, что все ее представители были гражданами города Милета. Ее деятельность приходится в основном на начало и середину VI в. до н. э. Время жизни основателя школы *Фалеса Милетского* определяется сообщением, что он будто бы предсказал полное солнечное затмение, случившееся в 585 г. до н. э. (об этом, в частности, писали Ксенофан и Геродот), хотя реальная возможность такого предсказания — даже при допущении знакомства с вычислениями вавилонских звездочетов — в настоящее время подвергается сомнению.

Научных сочинений Фалес после себя не оставил, поэтому все материалы о нем относятся к группе А. Эти материалы многочисленны и разнообразны. Большое место среди них занимают рассказы о Фалесе как об одном из полубогатых «семи мудрецов». Геродот сообщает некоторые сведения, из которых следует, что Фалес был выдающимся общественным деятелем Милета, пользовавшимся уважением среди своих сограждан.

Космологическая концепция Фалеса, о которой уже Аристотель, по-видимому, имел довольно смутное представление, сводилась к трем положениям:

1. Все произошло из воды (в формулировке Аристотеля — «начало всего есть вода»).

2. Земля плавает на воде, подобно куску дерева (этим Фалес объяснял ряд явлений природы, в том числе землетрясения).

3. Все в мире одушевлено (или «полно богов»). Древние, в частности, указывали, что Фалес приписывал душу магниту, притягивающему железо.

Философское значение учения Фалеса состояло прежде всего в том, что он впервые в истории человечества поставил вопрос, ставший в дальнейшем основным вопросом всей греческой философии: «Что есть все?».

Другие важные свидетельства относятся к математическим работам Фалеса. Ссылаясь на ученика Аристотеля Евдема, написавшего труд по истории ранней греческой математики, неоплатоник Прокл сообщает, что Фалес был первым греком, начавшим доказывать геометрические теоремы. В частности, согласно Евдему, им были доказаны следующие положения: 1) круг делится диаметром пополам; 2) в равнобедренном треугольнике углы при основании равны; 3) при пересечении двух прямых образуемые ими вертикальные углы равны, и, наконец, 4) два треугольника равны, если два угла и одна сторона одного из них равны двум углам и соответствующей стороне другого.

Историки науки по-разному интерпретировали эти сообщения. Так, Б. Л. ван дер Варден считает, что к свидетельствам Евдема надо отнести вполне серьезно и что именно Фалес, опираясь на достижения вавилонян и египтян, ввел в геометрию доказательства, придав этой науке логическое построение⁹. Другие ученые полагают, что доказательства Фалеса еще не могли иметь строго логический характер и были, скорее всего, основаны на приемах перегибания и наложения чертежей¹⁰. Скептическую позицию занимает О. Нейгебауэр, считающий, что «традиционные рассказы об открытиях, сделанных Фалесом или Пифагором, следует отбросить как совершенно неисторические»¹¹.

Если не становиться на крайнюю точку зрения Нейгебауэра, то надо будет признать, что Фалес был основоположником не только греческой философии, но и греческой математики — первой дисциплины, которая в Греции выделилась в самостоятельную область и стала развиваться независимо от синкретичной науки о «природе».

Анаксимандр был вторым великим представителем милетской философской школы. Источники сообщают о нем значительно меньше биографических сведений, чем о Фалесе, и вообще во всей известной нам литературе VI—V вв. до н. э. и даже у Платона имя Анаксимандра ни разу не упоминается. По-видимому, Аристотель был первый, кто «открыл» и по-настоящему оценил Анаксимандра. О времени его жизни имеется одно, более позднее, но довольно точное свидетельство: историк II в. до н. э. Аполлодор Афинский сообщает в своей «Хронике», что во втором году 58-й олимпиады (т. е. в 547/546 гг. до н. э.) Анаксимандру было шестьдесят четыре года и что вскоре после этого он умер.

Свое учение Анаксимандр изложил в книге, которую можно рассматривать как первое в истории греческой мысли научное сочинение, написанное прозой. К сожалению, от этого сочинения до нас дошла лишь одна фраза, цитируемая Симпликием в его комментариях к «Физике» Аристотеля. Кроме того, в некоторых позднейших философских компиляциях, восходящих, по-видимому, к «Мнениям физиков» Феофраста, содержатся выражения, которые, несомненно, взяты из книги самого Анаксимандра. Эти и другие косвенные данные, сообщаемые многими древними авторами, начиная с Аристотеля, позволяют реконструировать ряд важнейших положений космогонической концепции Анаксимандра.

⁹ Ван дер Варден Б. Л. Пробуждающаяся наука: Математика Древнего Египта, Вавилона и Греции. М., 1959. С. 121—124.

¹⁰ История математики с древнейших времен до начала XIX столетия / Под ред. А. П. Юшкевича. М., 1970. Т. 1. С. 66.

¹¹ Нейгебауэр О. Точные науки в древности. М., 1968. С. 149.

В отличие от Фалеса источником всего сущего Анаксимандр считал не воду, а некое вечное и беспредельное начало, которое, согласно позднейшим авторам, он называл «божественным», утверждая, что оно «всем управляет». Термин «апейрон» (*ἄπειρον*), т. е. «беспредельное», которым обычно именуют первоначало Анаксимандра, был на самом деле не названием этого первоначала, а лишь обозначением одного из его атрибутов¹². По традиции, восходящей к Аристотелю и Теофрасту, это первоначало обычно трактовалось как бескачественное и неопределенное первовещество или же как смесь всех элементов, однако в ряде новейших работ эти традиционные точки зрения подвергаются сомнению. Критическое отношение к перипатетической трактовке учений досократиков (особенно после опубликования в 1935 г. на эту тему известной работы Г. Чернисса¹³) привело к появлению новых интерпретаций анаксимандровского первоначала. В философско-библиографическом обзоре Л. Суини, вышедшем в 1972 г. и посвященном понятию бесконечности в досократовской философии¹⁴, лишь в публикациях послевоенного времени указывается на 23 подобных интерпретаций. С тех пор число таких интерпретаций еще более возросло.

Возникновение мира Анаксимандр рисовал как борьбу и обособление противоположностей, в первую очередь тепла и холода (причем у него, по-видимому, еще отсутствовало четкое разграничение понятий силы, качества и вещества). В недрах беспредельного начала возникает как бы зародыш (*τὸ γόνιμον*) будущего мира, в котором влажное и холодное ядро оказывается окруженным огненной оболочкой. Под воздействием жара этой оболочки влажное ядро постепенно высыхает, причем выделяющиеся из него пары раздувают оболочку, которая в конце концов лопается, распадаясь на ряд колец (или «ободов»). В результате этих процессов происходит образование плотной Земли, имеющей форму цилиндра, высота которого равна трети диаметра основания. Этот цилиндр не имеет опоры и висит неподвижно в центре сферической Вселенной, так как у него нет оснований двигаться в какую-либо сторону. Звезды, Луна и Солнце находятся от центра мира на расстояниях, равных соответственно 9, 18 и 27 радиусам земного диска; эти светила представляют собой отверстия в темных воздушных трубках, окружающих вращающиеся огненные кольца. С помощью такой картины Анаксимандр объяснял ряд астрономических и метеорологических явлений.

С космогонией Анаксимандра связана его зоогоническая концепция. Живые существа, по его мнению, зародились во влажном иле, некогда покрывавшем Землю. Когда Земля начала высыхать, влага скопилась в углублениях, образовавших моря, а некоторые животные вышли из воды на сушу. Среди них были рыбообразные существа, в чреве которых развились люди; когда люди выросли, покрывавшая их чешуйчатая оболочка развалилась. Некоторые ученые усматривают в этой концепции исторически первый намек на идею эволюции животного мира.

Возникновение и развитие мира Анаксимандр считал периодически повторяющимся процессом: через определенные промежутки времени мир снова поглощается окружающим его беспредельным началом (отсюда *περίεχον* — «окружающее» — как один из эпитетов анаксимандровского первоначала). Следует указать также на точку зрения

¹² А. В. Лебедев в статье «ΤΟ ΑΠΕΙΡΟΝ: не Анаксимандр, а Платон и Аристотель» (ВДИ. 1978. № 1, 2) убедительно показывает, что субстантивация прилагательного *ἄπειρον* произошла не раньше IV в. до н. э.

¹³ Cherniss H. Aristotle's Criticism of Presocratic Philosophy. Baltimore, 1935.

¹⁴ Sweeney L. Infinity in Presocratics: A Bibliographical and Philosophical Study. The Hague, 1972.

некоторых ученых, согласно которой Анаксимандр признавал одновременное сосуществование бесчисленного множества миров¹⁵. Вопрос этот спорный: термин «космосы» (*κόσμοι*), который, по-видимому, фигурировал в оригинальном тексте сочинения Анаксимандра, имел, вероятно, значение, отличное от позднейшего значения «миры».

Как показали новейшие исследования¹⁶, космогоническая концепция Анаксимандра включила в себя ряд элементов, взятых из космологических построений народов Востока. К числу таких заимствований относятся: образ огненных колец, числовые соотношения, определяющие удаленность от центра мира небесных светил, циклический характер процесса мироздания и даже, может быть, само понятие вечного и беспредельного начала.

Источники сообщают, что Анаксимандр был первым греком, начертившим на медной табличке географическую карту Земли, на которой вся ойкумена распадалась на две примерно равные части — Европу и Азию. Возможно, что эта карта служила приложением ко второй — географической части его сочинения. Анаксимандру приписывают также введение в греческую практику гномона (солнечных часов), который был известен на Востоке задолго до этого.

Последним великим представителем милетской философской школы был Анаксимен, скончавшийся, согласно «Хронике» Аполлодора, в 63-ю Олимпиаду (528—525 гг. до н. э.).

Переходя от Анаксимандра к Анаксимену, мы отчетливо ощущаем пропасть, которая их разделяет. В некоторых отношениях Анаксимен стоит ближе к Фалесу, чем к своему непосредственному предшественнику. У Анаксимена (как и у Фалеса) не было сколько-нибудь четко сформулированной космогонической концепции. Согласно Анаксимену, все вещи происходят из воздуха — либо путем разрежения, связанного с нагреванием, либо же путем сгущения, приводящего к охлаждению. Воздушные испарения, подымаясь вверх и разрежаясь, превращаются в огненные небесные светила. Наоборот, твердые вещества — земля, камни и т. д. — суть не что иное, как сгустившийся и застывший воздух. Таким образом, Анаксимен указывал на конкретный физический механизм образования вещей из воздушного первоначала. Это постоянно действующий механизм, обусловленный тем, что воздух находится в непрерывном движении и изменении. Когда воздух неподвижен, мы его никак не воспринимаем; лишь когда он движется или претерпевает иные изменения, он дает о себе знать в виде ветра, облаков, пламени и т. д. Это означает, что все вещи суть модификации воздуха, который должен поэтому рассматриваться не как один из элементов, а как всеобщий субстрат вещей, в чем-то сходный с первоначальной Аристотеля.

У Анаксимена мы почти не найдем заимствований из восточных космогонических мифов: космогония Анаксимена целиком находится в русле греческой «метеорологической» традиции. Оппозиции, такие, как светлое-темное, горячее-холодное и другие, играют у него (в отличие от Анаксимандра) незначительную роль. Зато Анаксимен очень охотно прибегает к методу аналогий, большей частью взятых из повседневной жизни и практики. Так, образование земли из воздуха сравнивается у него с валянием шерсти, из которой образуется войлок. Подобная «войлочная» Земля имеет «столооб-

¹⁵ Burnet J. Early Greek Philosophy. L., 1940.

¹⁶ Burkert W. Iranisches bei Anaximander // Rheinisches Museum für Philologie. 1963. Bd. 6. S. 97—134; West M. L. Op. cit. P. 76—78. См. также указанную выше статью А. В. Лебедева.

разную» форму, и она не висит неподвижно в центре мира (как у Анаксимандра), а как бы «оседлала» воздух, который поддерживает ее снизу. Солнце плоско, как лист; звезды вбиты в небосвод наподобие гвоздей; некоторые же из них (планеты) суть огненные листья, плавающие в воздухе. Когда в одном месте собирается слишком много воздуха, из него «выжимается» дождь. Ветры, возникающие из воды и воздуха, несутся подобно птицам.

Особенно известна аналогия, связанная с движением небесного свода. Анаксимен полагал, что заходящие за горизонт светила проходят не под Землей, а совершают оборот вокруг Земли, скрываясь за ее северной, приподнятой частью. При этом Анаксимен пользуется следующим сравнением: небосвод движется вокруг Земли наподобие шапочки, поворачивающейся вокруг нашей головы.

Хотя от книги Анаксимена до нас не дошло ни одного бесспорно аутентичного фрагмента, можно с большой степенью вероятности утверждать, что все перечисленные аналогии (или, во всяком случае, большинство из них) принадлежат самому Анаксимену.

Учение Анаксимена сыграло бесспорную роль в дальнейшем развитии греческого естественнонаучного мышления, непосредственное влияние идей Анаксимена испытали Анаксагор, Диоген из Аполлонии, а также атомисты.

Следующие разделы настоящего собрания содержат свидетельства о *Пифагоре* и ранних пифагорейцах (о последних, впрочем, за исключением, может быть, Гиппаса из Метапонта, эти свидетельства отличаются скудостью и неопределенностью).

О происхождении Пифагора, его жизни и деятельности существуют противоречивые версии, большинство которых изложено в сочинениях авторов поздней античности: Порфирия, Ямвлиха и др. С большей или меньшей степенью вероятности из этих версий могут быть извлечены следующие данные.

Пифагор, сын Мнесарха, был уроженцем острова Самос, лежащего вблизи малоазийского побережья прямо против Милета. В годы своей юности он, несомненно, бывал в Милете и общался с представителями милетской школы (один из источников сообщает даже о встрече юного Пифагора с престарелым Фалесом незадолго до смерти последнего).

После захвата власти на Самосе Поликратом (около 537 г. до н. э.) Пифагор, уже будучи вполне зрелым человеком, покинул свою родину и либо сразу отправился в Италию, либо совершил путешествие по странам Востока. Последний вариант позволяет объяснить некоторые черты раннего пифагорейства.

Обосновавшись в южноиталийском городе Кротоне, Пифагор вскоре приобрел там большой авторитет и основал философскую школу, которая в большей степени, чем милетская, заслуживает такого наименования. Впрочем, с нашей точки зрения, это был не столько научная школа, сколько религиозно-этическое братство — нечто вроде монашеского ордена, члены которого обязывались вести «пифагорейский» образ жизни, включавший наряду с целой системой аскетических предписаний и табу также обязательства по проведению научных исследований. Кроме того, пифагорейская школа активно вмешивалась в политическую жизнь италийских полисов, что привело в конце концов к ее разгрому и бегству большинства ее адептов из Италии. Впрочем, это произошло уже после смерти Пифагора.

Религиозно-этическое учение Пифагора, в основе которого лежали идеи метемпсихоза и очищения души, засвидетельствовано достаточно ранними источниками (Ксенофан, Геродот, Эмпедокл) и может вызывать сомнения лишь в деталях. Значительно

более трудную задачу представляет собой установление научных достижений Пифагора. Над этой задачей бьются многие поколения исследователей, не приблизившиеся, однако, к ее решению. Имеющиеся здесь трудности определяются следующими факторами:

1. Сам Пифагор, судя по всему, не оставил после себя никаких сочинений.

2. В литературе раннего периода не содержится никаких указаний на научные открытия Пифагора и его ближайших учеников. Это обычно объясняется эзотерическим характером пифагорейских изысканий, которые не подлежали разглашению за пределами школы.

3. В пифагорейской школе существовала традиция — все достижения школы приписывались ее основоположнику. В силу этого оказывается почти невозможным отделить вклад, внесенный в науку Пифагором и его ближайшими учениками, от результатов, полученных пифагорейцами в более позднюю эпоху.

В силу этих причин мнения исследователей о роли Пифагора в истории научной и философской мысли расходятся самым кардинальным образом. Под влиянием критического духа новейшего времени рассказы Ямвлиха, Порфирия и других писателей поздней античности о Пифагоре и якобы сделанных им открытиях в области математики и астрономии стали рассматриваться как чистое мифотворчество неопифагорейцев и неоплатоников. Своего апогея критическое направление в изучении «пифагорейского вопроса» достигло в работе Э. Франка «Платон и так называемые пифагорейцы»¹⁷, в которой доказывалось, что до 400 г. до н. э., т. е. до времени жизни и деятельности Архита из Тарента, говорить о существовании какой-либо пифагорейской науки не приходится. К этому же направлению относится капитальная монография В. Буркерта о пифагорейцах¹⁸, автор которой пришел к выводу, что вклад в науку раннего пифагорейства был практически равен нулю, ибо нельзя считать наукой мистику чисел и спекуляции с пифагорейскими противоположностями типа «чет-нечет» и «предел-беспредельное».

Впрочем, в последнее время в науке все более укрепляется и противоположная тенденция, склонная усматривать в свидетельствах неоплатоников, писавших о Пифагоре, следы информации, восходящей к IV и даже к V в. до н. э., т. е. к тому времени, когда еще была жива школа, основанная самим Пифагором. Задача состоит, следовательно, в том, чтобы вычленив эту информацию из массы легенд о Пифагоре, начавших создаваться еще в эпоху раннего пифагорейства (о некоторых из них пишет даже Аристотель в своей не дошедшей до нас работе о пифагорейцах), но особенно большое распространение получивших в первых веках нашей эры. Достоверные результаты здесь, впрочем, вряд ли могут быть достигнуты.

И все же представляется весьма вероятным, что интерес к математике наличествовал в пифагорейской школе с самого ее возникновения. Ознакомившись в молодости с математическими достижениями Фалеса и пополнив свои знания в этой области в период своего пребывания в Египте и Вавилонии, Пифагор пришел к убеждению, что все в мире определяется числами или отношениями чисел. Отсюда приписываемое Пифагору изречение «все есть число». По всей видимости, эта мысль была обобщением очень небольшого числа наблюдений. Не только древние свидетельства, но и равная математическая терминология указывают на связь этих наблюдений с музыкой. Решаю-

¹⁷ Frank E. Plato und die sogenannten Pythagoreer. Halle, 1923; 2. Aufl., Darmstadt, 1962.

¹⁸ Burkert W. Weisheit und Wissenschaft: Studien zu Pythagoras, Philolaos und Platon. Nürnberg, 1962.